

Гарри наблюдал за происходящим от двери с расслабленной и довольной улыбкой на лице. Остальные радостно болтали снаружи, расстилая одеяла и занимая места, чтобы насладиться видом, когда снег оседал на палаты поздним рождественским днем. Он услышал приближающиеся шаги, чтобы встать рядом с ним, но не вздрогнул. Когда все остальные были снаружи, эти шаги могли принадлежать только одному человеку.

“Я действительно никогда не смогу отплатить тебе за то, что ты вернул нам Асторию”, - сказал Эдмунд, хлопая рукой по плечу. “Не говоря уже обо всем остальном, что вы сделали для нас”. Он тепло усмехнулся. “Мы с Аэлкой даже не смогли найти ничего, что соответствовало бы тому, что ты подарил нам на Рождество”.

Гарри засмеялся и кивнул головой в сторону группы снаружи. “Все это; семья, которую я мог бы назвать своей, счастливая семья? Это единственное, что я всегда хотел найти в детстве, когда просыпался рождественским утром. У меня уже есть то, что я хотел.” Он повернул голову к Эдмунду и увидел, что пожилой мужчина ласково улыбается ему, сжимая его плечо. Это было похоже на то, как Гарри представлял, как его собственный отец мог бы взаимодействовать с ним, если бы он все еще был с ним. Воцарилась уютная тишина, пока двое мужчин смотрели на людей снаружи, которых они стремились сделать счастливыми.

“Когда Астория ни с того ни с сего отделилась от нас, и все, казалось, сломалось безвозвратно, мне пришлось столкнуться не только с тем, что я потерпел неудачу как отец...”

Гарри покачал головой и повернулся к нему, намереваясь прервать и заверить его, что он совсем не неудачник как отец, но грустная усмешка на лице Эдмунда заставила его сдержаться слова.

“Гарри, моя младшая дочь провела годы в браке и верила в кого-то, кто был воплощением всего, чем мы ее не воспитывали”, - сказал он. “Вы ничего не могли бы сказать, что изменило бы этот факт”. Гарри неловко молчал, не уверенный, что он должен сказать, и должен ли он вообще что-нибудь говорить.

“Я не только должен был столкнуться с этим, я должен был принять тот факт, что мое собственное эго выросло из-за моих успехов”, - продолжил Эдмунд. “Политически я зарекомендовал себя как второй после самого Дамблдора, даже если я был достаточно деликатен в этом, чтобы широкая публика могла подумать, что этот титул принадлежит кому-то вроде Люциуса Малфоя. И, конечно, я накопил это влияние, будучи намного моложе этого легендарного старика, и у меня тоже не было победы над Темным Лордом, на которую можно было бы опереться”. Он усмехнулся. “Кроме того, финансы семьи Гринграсс были... процветающими, мягко говоря. Я тоже не сутулюсь с палочкой, даже если я не перевоплотился в Мерлина, как некоторые молодые люди, которых я недавно узнал.” Гарри застонал от этого, и Эдмунд слегка рассмеялся, серьезный момент ненадолго прояснился.

“Я был в том состоянии, когда просто не мог смириться с мыслью, что я, из всех людей, не смогу что-то сделать, особенно если я также обращусь за помощью к моей блестящей жене. Но как бы я ни старался, казалось, что ни одна тактика, которую я пробовал, не работала лучше, чем вообще ничего не делать. Все, что мы с Аэлкой пробовали, еще больше отдаляло Асторию от нас, и это заставляло меня смотреть правде в глаза. Я и близко не был таким могущественным или контролировал все так, как всегда считал. Мне пришлось смириться с тем, что даже просто для того, чтобы защитить свою семью, включая дочь, которая, казалось, ненавидела меня, мне понадобится помощь других. Помощь, а не просто их поддержка или их голос. И некоторые вещи были полностью вне моего контроля”.

Он поднял запястье и посмотрел на свои часы. "Я так люблю эти часы, которые мне подарила моя жена", - сказал он. "Я знаю, что она тоже обожает ожерелье, которое ей подарила Флер". Он пристально посмотрел на Гарри испытующим взглядом. "Странно, что в этом году все получили дорогие украшения. Украшения, которые настолько идеально соответствуют их вкусу, что они, скорее всего, будут носить их постоянно. И даже несмотря на то, что подарки поступали от разных людей, все они предполагали, что вы либо забирали их для них физически, заказывали от их имени, помогали организовать это в каком-то качестве, либо, конечно, сами дарили им подарки".

Гарри усмехнулся. "Я должен был знать, что кто-нибудь разберется в этом сегодня, учитывая, как много людей здесь так чертовски проникательны", - сказал он. Эдмунд рассмеялся.

"Чего я не могу понять, так это странного очарования, которое на них всех наложено", - сказал Эдмунд. "Не так часто бывает, что я не могу разобраться с чарами, наложенными на предмет. Это дисциплина магии, которую я нахожу довольно интересной."

"Это был проект, который мне пришлось на некоторое время отложить в сторону", - сказал Гарри, пожимая плечами. "Я взял его обратно и недавно закончил, с некоторыми изменениями. Знакомы ли вы с чарами, стоящими за семейными часами, которые показывают местоположение и статус членов семьи?" Эдмунд кивнул. "Он использует заклинание, похожее на это. Если владелец драгоценностей будет сочтен находящимся в серьезной опасности, он уведомит меня и попытается активировать внутренний портключ, который вернет их в Поместье Поттеров. Если портключ сработает успешно, защита увеличится до полной силы, как только прибудет владелец."

"А если портключ выйдет из строя?" - спросил Эдмунд. Гарри одарил его застенчивой улыбкой.

"Если это не удастся, драгоценности активируют заклинание, которое авроры используют, чтобы находить друг друга, когда нам приходится разделяться в рейдах. Он проходит почти через любую палату, о которой вы только можете подумать, и дает точные координаты для появления. Эти координаты появятся на моем конце."

Эдмунд, ухмыляясь, покачал головой. "Гарри, это заклинание было тем, что мой отец поддерживал в использовании, когда Визенгамот обсуждал его. Однако некоторые люди утверждали, что это было нарушением неприкосновенности частной жизни, поэтому мера провалилась. Я прекрасно понимаю, что вам не разрешается надевать это ни на что, кроме снаряжения авроров, которое строго регламентировано."

"Технически формулировка правила гласит, что он не может быть использован кем-либо, кто в настоящее время не работает в качестве аврора или иным образом не имеет соответствующего разрешения, а также не может использоваться с помощью какого-либо оборудования, кроме указанных предметов. Меня это вполне устраивает".

"Знаешь, тебе действительно следовало быть в Слизерине", - сказал мужчина постарше. "Такой позор." Гарри закатил глаза. "Итак, что вы будете делать, если это вступит в силу, и вам придется это объяснить? Я уверен, что они следят за подобными вещами".

"Я бы, наверное, потерял работу", - сказал Гарри без особого беспокойства. "Это небольшая цена за безопасность моей семьи".

"Слишком верно", - согласился Эдмунд. "К сожалению, мне придется сообщить о вас сейчас". Гарри посмотрел на него, ожидая "если только", которое обязательно должно было последовать. Он не был разочарован. "Если, конечно, вы не измените мои часы так, чтобы я

видел ту же информацию, что и вы”.

Гарри пристально посмотрел на него, размышляя. “Вы не должны рассказывать об этом остальным”, - сказал он.

“Согласен. Они бросятся навстречу опасности вместо того, чтобы держаться от нее подальше. - Гарри махнул рукой, и Эдмунд улыбнулся. “Я надеюсь, что у меня будет что-то, по крайней мере, равное этому, когда я вернусь из своей маленькой поездки по квиддичу”. Гарри вопросительно посмотрел на него и получил улыбку в ответ. “У нас с Себастьяном Делакурром очень много знакомых, которые многим нам обязаны, Гарри. Если потребуется вызвать каждого из них, чтобы выследить Драко и выяснить, что он планирует сделать, так тому и быть.”

“Ваша поездка и близко не так похожа на отпуск, как вы с Себастьяном представляли ее остальным”, - сказал Гарри.

“На самом деле это не так”, - легко сказал Эдмунд. “Но моя жена не дура, и я подозреваю, что мои дочери и Нарцисса поймут это, если они немного подумают об этом”. Он серьезно посмотрел на Гарри и сменил тон, чтобы соответствовать. “Видишь ли, Гарри; независимо от того, как это произошло, ты вернул мне все, что когда-либо действительно имело значение, плюс многое другое”.

Он повернулся к двери и печально улыбнулся, наблюдая, как Астория устроивается поудобнее на коленях у своей старшей сестры, а также Нарциссы. “Возможно, я и не убил Темного Лорда, но я узнал несколько вещей, одна из которых заключается в том, что чем больше вы пытаетесь ограничить или защитить тех, кого любите, чтобы защитить их, даже если они более чем способны сами по себе, тем меньше защиты у них на самом деле”. Он похлопал Гарри по плечу.

“Я думаю, мы оба знаем, насколько упрямы эти женщины”, - продолжил он. “Они не собираются слушать и держаться подальше от вещей только потому, что они могут быть опасны, что бы мы ни говорили. Так что обеспечить их безопасность невозможно, отрезав их от информации и оградив от реальности”.

Гарри серьезно задумался об этом и все еще думал об этом, когда Эдмунд взял его за плечо и повел к двери, ведущей к их семье. “Примите это от человека, который уже совершил ту же самую ошибку и чуть не потерял из-за этого все, что имело значение. Нет хуже чувства, чем подвести кого-то из-за того, что ты недостаточно верил в его способности”.

Вскоре после этого они добрались до другого, так что разговор, естественно, подошел к концу. Эдмунд направился к своей жене и с любовью поцеловал ее в губы, в то время как Гарри улыбнулся Астории. Он сел между Дафной и Нарциссой, которые автоматически раздвинулись, чтобы освободить ему место. Астория переместилась, чтобы плюхнуться ему на колени, а Дафна и Нарцисса заняли позицию по бокам от него. Гарри наслаждался комфортом их близости, но он все еще был погружен в свои мысли и обдумывал слова Эдмунда, сказанные на основе болезненного опыта.

--

“Да, сэр”, - сказала Аэлла. Румянец залил ее щеки от того, как легко она это сказала. Она справилась с этим без единой ошибки с той ночи, когда пообещала, что сделает это, хотя большую часть времени, прошедшего с тех пор по настоящее время, ее не было дома, если не считать очень грубого секса, который Гарри устроил ей незадолго до ее отъезда. Это означало, что поддразнивание все еще было свежим сегодня и действительно не замедлилось до часа или

около того назад, когда оно превратилось в основном в ухмылки и смешки за ее счет.

Это было унижительно, когда ее муж и Флер веселились, другие девочки дразнили ее, а Гарри все время вел себя так, как будто это было совершенно нормально и чего-то следовало ожидать. И то, что она вела себя более или менее так же, как обычно, из-за того, насколько естественно было подчиняться ему даже в непринужденной беседе, не помогало, как и влажность между ее ног.

Даже несколько выходов из комнаты с Флер или Эдмундом, или с обоими, не уняли ее зуда. Она знала, что только Гарри сможет это сделать, и это была пугающая мысль. Это был первый раз, когда они даже не смогли снять напряжение, несмотря на то, что каждая поездка была чрезвычайно приятной, а это означало, что ей нужно было внимание Гарри, чтобы охладить это жгучее возбуждение. Она задавалась вопросом, как она собирается получить то, что ей нужно, когда она была в самом низу его списка приоритетов после трех других ведьм, у всех из которых, как она знала, были очень здоровые сексуальные аппетиты.

Но самым унижительным за весь день было то, что ее муж сообщил Делакурам, в том числе едва достигшей совершеннолетия Габриэль, что они знали обо всем, что было между ней и Гарри, до их приезда. К счастью, они, вероятно, были единственной семьей, которую она знала, которая могла понять уникальную ситуацию и не осуждала их за это, учитывая, что вейлас и Аполлин довольно давно были их любовниками и врагами. Потребности вейлы намного превосходили то, что любой волшебник, которого встречала Аэлла, мог удовлетворить самостоятельно, за единственным исключением Гарри. Даже Аэлла и ее муж, вместе взятые, лишь примерно справлялись с задачей насытить Флер, и у них обоих самих было высокое либидо.

То, что Делакуры понимали ситуацию, не мешало им, и в частности Аполлине, подшучивать над ней за то, что она подчинилась Гарри. По крайней мере, Габриэль, казалось, изо всех сил старалась скрыть свою довольно очевидную влюбленность в Гарри и поэтому не очень-то присоединялась к комментариям, но ее мать компенсировала свою долю, а затем и кое-что еще.

Флер и Дафна хихикнули над ней, прежде чем вернуться к своему разговору, а Аполлин и Нарцисса ухмыльнулись ей, как будто они были посвящены в какой-то секрет, о котором она ничего не знала, прежде чем втянуть Габриэль в свой собственный разговор. Младшая вейла снова мило покраснела, увидев Аэлла и Гарри вместе, но что касается ее отца Себастьяна или мужа Аэллы Эдмунда, они полностью проигнорировали то, что она сказала. Она подумала, что они, возможно, действительно даже не слышали ее; они были похожи на пару взрослых детей, когда обсуждали квиддич, должно быть, в тысячный раз.

--

Астория просто продолжала мурлыкать, расслабляясь рядом с Гарри, игнорируя все остальное вокруг. Она была так же довольна собой, как и тридцать минут назад, когда наконец заставила его относиться к ней так, как обычно. Требовалось все больше и больше заставлять его действовать, пока он в конце концов не понял, что ее отцу все равно, поскольку он уже знал об их отношениях и был свидетелем их динамики.

Она наконец добилась своего, когда он шлепнул ее по голой заднице и велел вести себя прилично, натягивая свое маленькое платье обратно на задницу. Затем он развернул ее и одной рукой заломил ей руки за спину, заставив Флер покраснеть от волнения при случайном проявлении доминирования, прежде чем она бросила на своих любовников многозначительный

взгляд. Габриэль широко раскрытыми глазами смотрела на открытую витрину, а Дафна хихикала и дразнила сестру за то, что она не смогла сдержаться даже здесь. Аполлин спросила Нарциссу, тоже ли она так подчинялась Гарри, и, хотя казалось, что она пыталась спросить тихо, они все это слышали. Они также слышали, как Нарцисса ответила, что на самом деле это было довольно мягко, особенно по стандартам Астории. Отец Астории только усмехнулся и сказал ей, что она действительно всегда была вредной, поэтому он был рад, что, по крайней мере, Гарри, казалось, мог держать ее в узде так часто, как только мог кто-либо другой.

Гарри в конце концов отпустил ее запястья, не то чтобы она двигала ими даже сейчас. Он небрежно схватил ее за горло, продолжая свой разговор, ведя себя так, как будто для него было совершенно нормально держать ее вот так. Было абсолютно ясно, что она принадлежит ему, и он сделал это на глазах у всех, не сказав ей ни слова. Она наслаждалась всем этим, с радостью получая легкое удушье, когда подчинялась ему. Бывали моменты, когда кто-нибудь задавал ей вопрос, и Гарри приходилось отпускать ее горло, похлопывать по заднице и напоминать ей, чтобы она была хорошей девочкой и обращала внимание, когда кто-то с ней разговаривал.

Астория не обращала особого внимания на его текущий разговор, но она полностью погрузилась в него, когда он внезапно перевернул ее так, что ее живот оказался поперек его ноги, и дал ей десять ударов по заднице через ее тонкое платье. Это тоже не были игривые шлепки; она визжала и визжала, но доказала свое послушание, оставаясь на месте. Не похоже было, что рука, обхватившая ее и удерживающая на месте, все равно позволила бы ей куда-нибудь пойти.

“Я сказал тебе вести себя хорошо”, - сказал он, его голос был таким же твердым, как и его шлепки. “Твои руки, блуждающие так, сейчас неуместны”. Флер разразилась хихиканьем, а затем прошептала что-то на ухо своей младшей сестре, чье лицо теперь было красным как свекла.

“Похоже, ты никогда не перерастешь границы тестирования”, - сказал отец Астории, фыркнув.

“Правда, Астория?” Сказала Дафна, тяжело вздохнув. Астория знала ее достаточно хорошо, чтобы сказать, что ей пришлось изо всех сил стараться не рассмеяться, что скорее испортило бы эффект. Нарцисса закатила глаза, но Аполлин не отпустила ее.

“С тем, как ты всегда себя ведешь, Нарцисса, ты, должно быть, никогда не сможешь сесть”, - съязвила вейла постарше. Нарцисса бросила на нее игривый взгляд, в то время как все остальные посмеялись над ней.

“Знаешь, любимая, я начинаю думать, что неправильно держал тебя в узде”, - сказал Себастьян Делакур своей жене. Она одарила его страстным взглядом.

“Может быть, у тебя и есть”, - сказала она, облизывая ему губы. Все засмеялись, кроме Астории, которая снова держала Гарри за горло.

“Хорошо, Астория”, - сказал Гарри. “Вам, очевидно, слишком нравилось быть в центре внимания”. Он помог ей подняться, чтобы она сидела прямо, и она недовольно надулась, когда ее подогнали.

“Ты портишь мне веселье”, - проворчала она. “Если так все и будет, то я сейчас схожу в туалет”. Она встала с его колен и направилась в туалет, преувеличенно покачивая бедрами на ходу. Гарри рассмеялся над ее поддразниванием.

“Не трудитесь ждать, пока я присоединюсь к вам там”, - сказал он. Она оглянулась на него через плечо, расстроенная тем, что ее уловка не сработала. Это было гораздо более неприятно, чем то, что все остальные смеялись над ней.

<http://tl.rulate.ru/book/3342/79508>